

Имена собственные в поэзии Марины Слугиной

Светлана Васильевна Шеянова

*Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В финно-угроведении практически отсутствуют работы, посвященные литературной ономастике, недостаточно изучены семантические функции имени собственного в структуре художественного текста. Цель статьи – выделить типы онимов в произведениях М. Слугиной, определить их функционально-семантические особенности.

Материалы и методы. Материалом исследования явились произведения М. Слугиной из поэтического сборника «Тюст» («Оттенки»). В работе использованы традиционные методы лингвистического исследования: описательный, функционально-семантический, сравнительно-исторический, а также современные подходы к изучению литературного текста – интерпретационный, гендерный.

Результаты исследования и их обсуждение. Определены типы онимов в поэтических текстах М. Слугиной, очерчены ядро и периферия ономастического пространства ее произведений, проведен семантический анализ ономастической лексики. Отмечается, что ядро ономастического пространства поэзии М. Слугиной составляют антропонимы, топонимы (ойконимы, хоронимы, гидронимы), периферию – мифонимы, зоонимы, урбанонимы, дридонимы, теонимы, космонимы, гемеронимы, хрононимы, геортонимы, религиозно-культурные топонимы. В произведениях автора они выполняют текстообразующую, стилистическую (информационно-стилистическую, эмоционально-стилистическую), оценочную, эстетическую, символическую, концептуальную функции.

Заключение. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшей разработки проблем поэтической ономастики в финно-угорском языкознании.

Ключевые слова: литературная ономастика, имена собственные, оним, семантика имени, функция онима, М. Слугина, современная мордовская поэзия

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098 «Мордовская женская литература: специфика репрезентации гендерной картины мира, национально-художественное своеобразие», <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шеянова С. В. Имена собственные в поэзии Марины Слугиной // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 165–177. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.165-177>

Введение

Ономастика как раздел лингвистики включает в себя исторические, географические, этнографические, культурологические, социологические, литературоведческие компоненты, что делает ее междисциплинарной наукой, перемежающейся также со знаниями о Земле, Вселенной. Особое развитие в настоящее время получает освещение функциональности имен собственных в художественном тексте, поскольку они являются стилистической категорией, конструкторами пространственно-временных отношений,

несут ярко выраженную эмоционально-экспрессивную нагрузку, способствуют формированию ассоциативно-символического фона. По утверждению исследователей, «имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, одним из средств, создающих художественный образ. Онимы могут нести на себе смысловую нагрузку, иметь звуковой облик, обладать ассоциативным фоном. Удачно выбранное имя становится дополнительным средством характеристики

персонажа, усиливает эмоциональное впечатление от всего произведения. Каждое собственное имя получает в тексте определенную эстетическую нагрузку, цель которой – представить фигуру героя более наглядно. Большую роль играют имена собственные, с помощью которых автору удается не только подчеркнуть характерную черту героя, но и придать особый колорит изображаемой реальности» [1, с. 182–183].

Ономастические элементы в поэзии, безусловно, подчиняются общим законам эстетики, при этом исследователи говорят о характерной для поэзии «обобщенно-символической номинации». Поэтическое творчество представляет абсолютную свободу употребления и способов преобразования имен собственных посредством ассоциативных сближений, сопоставлений, что приводит к смысловой многозначности художественного контекста. Одной из ярких функциональных особенностей ономастической лексики в поэзии является метафоризация текста, использование прецедентных имен, которые являются культурными знаками, формируют широкое ассоциативное поле. В стихотворном тексте, помимо семантической емкости имени собственного, большое внимание уделяется также его звуковой организации.

Изучение ономастикона произведений отдельного писателя способствует раскрытию его индивидуально-творческой концепции, поскольку литературные имена отражают знания художника о мире, природе человека, исторических, географических, астрономических и других реалиях, позволяют воссоздать его мирореальность. С другой стороны, авторское мировидение, жанровая и тематическая специфика произведения обуславливают конструирование ономастического пространства, в котором онимы получают различную эстетическую нагрузку – становятся основой концептосферы произведения, его ключевой идеей, «духовным центром»,

способствуют отражению географических реалий, особенностей национальной действительности, менталитета.

В произведениях разных авторов наблюдается определенная концентрированность онимов. Объем их использования обусловлен авторскими стилистическими приоритетами, жанром и темой произведения, его структурно-содержательными особенностями. Масштабность, активность и функциональность ономастической лексики наблюдается в структуре поэтических текстов эрзянского поэта М. Слугиной. Стилистически-эмоциональный модус ее произведений достигается разными видами онимов – доминирующими и периферийными, а также микропонимами, реализующими национально-географический компонент, семантическая многогранность которых вызывает необходимость их скрупулезного изучения, что не только позволит раскрыть индивидуально-авторскую концепцию мира, но и расширит представления о мордовском литературном дискурсе начала XXI столетия, актуализирует проблемы поэтической ономастики в национальном языкознании.

Обзор литературы

В отечественной науке литературная ономастика как самостоятельная дисциплина формируется в середине XX столетия. Вопросы поэтической ономастики в разных аспектах рассмотрены в работах Н. В. Васильевой [2], В. М. Калининна [3], Ю. А. Карпенко [4], Г. Ф. Ковалева [5], Т. Н. Кондратьевой [6], В. Н. Михайлова [7], В. А. Никонова [8], О. И. Фояковой [9] и других ученых. Изучению функций и семантики имени собственного в литературном произведении посвящены диссертационные работы современных исследователей¹, которые признают его эмоциональные возможности и конструктивную роль в раскрытии

¹ Бунеева Е. В. Ономастическое пространство поэм С. А. Есенина : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 163 с.; Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. 213 с.; Иванова О. В. Имена собственные в лирике поэтов Смоленской поэтической школы : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009. 287 с.; Курс К. Ю. Имена собственные в поэзии М. В. Исаковского: структурно-семантический и функциональный анализ : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2013. 217 с.; Никитина Н. В. Ономастическое пространство поэзии А. Т. Твардовского : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 226 с.; Сивцова А. А. Имена собственные в лирике Н. И. Рыленкова : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2008. 230 с.; Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. Волгоград, 2000. 78 с.

индивидуально-творческой концепции автора, отражении фрагментов частного ономастического пространства в общей картине мира, текстопостроении, моделировании его стилистической и эмоциональной содержательности. По утверждению исследователей, «являясь микроэлементами текстового пространства, имена собственные организуют целостное отражение действительности, свойственное определенному времени в творчестве конкретного автора»².

Актуальность предпринятого нами исследования состоит не только в том, что ономастическое пространство поэзии М. Слугиной до настоящего времени не являлось предметом специального исследования, но и в том, что в финно-угроведении крайне мало работ по поэтической ономастике. Изучению функциональной семантики онимов в художественном дискурсе посвящено небольшое количество статей [10–14]. Мордовская женская поэзия последних десятилетий до настоящего времени не становилась объектом исследования в аспекте литературной ономастики.

Материалы и методы

Материалом исследования явились наиболее репрезентативные в аспекте заявленной проблемы произведения М. Слугиной из поэтического сборника «Тюст» («Оттенки»). Книгу составили тексты разных жанров – лирические и сатирические стихотворения, послания, басни, сказки, что свидетельствует о широте и оригинальности авторского мировидения, комическом, порой критическом восприятии реалий современной действительности. Научная оценка произведений автора основывается на том, что онимистическая лексика у поэта – это эстетический способ отражения индивидуально-творческой концепции, обуславливающей идейно-тематический, мотивно-образный кластеры текста, средство воссоздания основанной на общечеловеческом и национальном опыте картины мира. В 55 произведениях сборника мы обнаружили онимы разных категорий, они представлены в заглавиях 20 стихотворений.

Методологической основой при подготовке статьи стали теоретические положения литературной ономастики, в ней используется традиционная ономастическая терминология. В работе использованы традиционные методы лингвистического исследования: описательный, функционально-семантический, сравнительно-исторический, а также современные подходы к изучению художественного текста – интерпретационный, гендерный.

Результаты исследования и их обсуждение

В процессе эстетического освоения действительности каждый поэт выбирает такие художественные приемы, средства, технологии, которые позволяют ему эмоционально, экспрессивно раскрыть творческий замысел, воссоздать индивидуальную мирореальность, передать уникальность авторского мироощущения. В поэтическом мире М. Слугиной функционально значимой структурно-семантической единицей становится ономастическая лексика. Ядро ономастического пространства ее текстов составляют антропонимы (имена, фамилии, прозвища), топонимы (ойконимы, хоронимы, гидронимы), определенную структурообразующую, эмоционально-стилистическую, информационную нагрузку получают периферийные мифонимы, зоонимы, урбанонимы, дридонимы, теонимы, гемеронимы, хрононимы, геортонимы, космонимы, религиозно-культурные топонимы. Посредством микротопонимов (*Солалейка, Боризвеле, Кобай веле, Кенде, Улопе, Верепе, Вирьалкс, Солаведь, Жилинень вирь и др.*) и микрогидронима (*Явлейка*), известных лишь на региональном уровне, создается образ малой родины, раскрывается эмоциональное, трепетное авторское отношение к родному краю.

Выдающийся православный мыслитель П. А. Флоренский не только указывает на необходимость использования имени в структуре художественного текста, но и считает его первичным по отношению к самому образу, который интерпретируется

² Иванова О. В. Имена собственные в лирике поэтов Смоленской поэтической школы : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009. С. 164.

«промежуточным» звеном «самораскрытия имени» – «именем в развернутом виде». В философской концепции ученого имя как «тончайшая плоть» в литературном творчестве воспринимается «категорией познания личности»: «... Только имя предельно прилегает к сущности в качестве ее первообнаружения или первооявления, и потому оно преимущественно именуется сущность в полноте ее энергий» [15, с. 16].

Современные исследователи говорят о важности и «принципиальной неслучайности» имени в художественном произведении: «Имя обеспечивает восприятие персонажа как единой личности, концентрирует в себе всю информацию, которая сообщается о персонаже и формирует его образ, актуализируя свой семантический потенциал»³. Оно становится не только характеризующей, но и аксиологической категорией – отражает в себе нравственно-этические основы, ценностные приоритеты автора и общества в целом. Такие функции антропонимов наблюдаются в произведениях М. Слугиной, в которых мы обнаружили разные модели имянаречения: краткая форма имени (*Матя, Клава*), парные имена (*Настат-Колят, Петят-Полят, Пашат-Дашат*), имя + фамилия (*Миша Боров*), уменьшительно-ласкательная форма имени (*Ванятка*), краткая форма имени + отчество (*Марь Сергеевна*), имена исторических личностей (*Тюштя, Пургаз*), мифологических персонажей (*Инешкипаз, Масторава*), фамилии известных людей (*Пушкин, Путин, Ленин, Роналдо, Джоли, Питт, Кадышева, Панишева, Князькова*), творческие псевдонимы (*Бакич Видяй, Мельседей, Август-Эллат*), уличные фамилии (*Кандрась Варка, Прокань Ким*), прозвища (*Тумо Петя*), имена мультипликационных героев (*Фиксик, Лунтик, Автобот, Томас, Маша и Медведь*).

В стихотворении «Паро мирде» («Хороший муж») для номинации героини используется краткая форма имени Матрена – *Матя*. Очевидно, автор осознанно выбирает такую модель имянаречения. Отказ от «монументальной формы имени» (П. А. Флоренский) следует

интерпретировать как символ измельчания в личности, а посредством нее – в обществе в целом нравственных основ. Антропоним *Матя* наделяется эмоционально-оценочной функцией, получает негативно-ироничную коннотацию – автор неодобрительно относится к хвастливой «домохозяйке», проводящей время за обсуждением семей своих соседей. Женщина знает, кто из них «собакой ругается» («*кискакс севныйть*»), «ежедневно дерется» («*чинь-чоп тюрить*»), «пьет» («*сими*»), «с ума сходит» («*сырни*»), «ходит налево» («*кершев яки*»)⁴, однако не способна реалистично оценить свое положение «любимой жены», муж которой приезжает из Москвы два раза в год. Посредством образа *Мати* автор актуализирует не только семейно-бытовые вопросы, но и проблемы онтологического содержания о самореализации личности, предназначенности женщины быть матерью, деформации в современном социуме общечеловеческих ценностей, традиционных моральных принципов.

В стихотворении «Чиявтызе» («Выдала замуж») двучленная модель именованной героини – краткая форма имени + отчество (*Марь Сергеевна*) – несет уничижительную эмоционально-семантическую нагрузку. Имя становится приемом сатирического осмеяния персонажа. Негативные эмоции вызывает банковская служащая *Марь Сергеевна*, которая безответственно относится к судьбам окружающих, берет на себя право устроить личную жизнь скромной уборщицы Клавы, используя для этого самый доступный путь – поиск мужчины на сайте знакомств. Изменение фотографии Клавы в «Фотошопе», ее представление «директором банка» не приводят к ожидаемому результату. Финальное фиаско истории позволяет автору имплицировать глубокую мысль о сложности человеческих взаимоотношений.

Образы древних эрзянских князей *Тюшти* и *Пургаза* реанимированы в стихотворении «Шкань сьулмавкст» («Связи времен»), в котором антропонимы кроме структурирующей архитектонику текста функции получают информационно-познавательную

³ Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. С. 108.

⁴ Слугина М. Тюст (Оттенки). Саранск, 2021. С. 100. Перевод здесь и далее подстрочный. Наш. – С. Ш.

нагрузку – раскрывают исторический контекст от мифологических картин создания земли Великой Птицей (Иненармунь) до «кровопролитных сражений» во времена *Тюшты*, защиты родной земли от ханских набегов князем *Пургазом*. Актуализация поэтом имен этих личностей обусловлена их знаковостью в исторической судьбе эрзянского народа. Особое авторское уважение и почитание передается лексемой «леля» («дядя», «старший брат») – *Пургаз леля*. Использование онима в данном произведении концентрирует интенции автора относительно истории народа, памяти о великих людях и эпохах.

Большой сегмент антропонимического сектора онимической системы языка составляют уличные фамилии, которые, по утверждению исследователей, «содержат индивидуальную или групповую оценку особенностей личности, несут информацию о культурно-национальной идентичности жителей и культурных переменах, происходящих в деревне» [16, с. 210]. Последняя функция четко прослеживается в стихотворении М. Слугиной «Емазь кудолема» («Исчезнувшие уличные фамилии»). Поэт перечисляет множество уличных фамилий: *Малянь Катя, Андрань, Полякаень, Шаргаень, Хомань, Егань, Палагань, Пятуки Санянь, Зотань, Ленькенъ, Тюмань, Самкаень, Серьгань, Кирань, Гуреень, Каймак Нинань, Федяень, Егай Таянь*. В основе большинства фамилий – имя конкретного родоначальника (*Полякаень, Егань, Палагань, Серьгань, Федяень*), базой для других послужили прозвища, указывающие на физические особенности или черты характера носителей (*Шаргаень, Деляень, Каймак Нинань, Малянь Катянь, Пятуки Санянь*). В тексте они используются для раскрытия масштабов национально-общественной ситуации, манифестируемой в первой строфе в назывной форме «Каштмолема. Сэтьмечи. Чаво кудот. Съкамочи»⁵ («Молчание. Тишина. Пустые дома. Одиночество»). Ретроспективные картины минувших десятилетий (жизнь кипит в селе, в семьях по десять детей, они гурьбой идут в школу) усугубляют

контраст с настоящим («*эрямонть прок сась пе*» / «жизни словно конец пришел»). Драматизм ситуации побуждает автора использовать элементы молитвы, что усиливает критический пафос текста, передает экзистенциальную сущность бытия: «*Вай, авакай, велинем, / Чаво кудонь ванстынем! / ...Вай, кудынетъ-тиринеть, / Эйстэнк якшамо чить-веть*»⁶ («Ой, маменька, село мое, / Хранительница опустевших домов! / ...Ой, домики-родненькие, / От вас холод днем и ночью»). Фольклорная стилизация молитвы, эсхатологические мотивы свидетельствуют о приверженности автора народно-поэтической традиции, рецепции им элементов мифологической картины мира.

Поэтические топонимы – это «важный, незаменимый компонент стиля произведения. Помимо того, что они являются средствами номинации индивидуальных географических объектов, они обладают возможностью создания точной локальной ориентации событий, о которых идет речь в произведении, и отражения эмоционально-эстетического отношения героев произведения к этим местам, ...связаны с эмоциональной оценкой писателя, с его мировоззрением» [17, с. 263]. В поэтическом языке М. Слугиной топонимическая лексика занимает значительное место. В ее произведениях мы обнаружили большое количество ойконимов (*Москва, Лондон, Токио, Пекин, Саранск, Кобале / Кабаево, Боризвеле / Борисово, Кенде, Улопе, Верепе, Вирьалкс*), хоронимов (*Россия, Перу, Дания, Колумбия, Япония, Иран, Португалия, Панама, Тунис*), гидронимов (*Рав / Волга, Сура, Явлейка*). Микроойконимы выносятся в заглавие произведения, таким образом становятся концептуально значимой единицей, к примеру, в стихотворениях «Боризвеле» («Борисово»), «Солалейка», «Кобай велем – Пазонь эле» («Мое село Кабаево – Божий край») и др. Очевидно, что эти объекты не случайно попадают в поле зрения поэта и вызывают у него потребность словом выразить эмоции: они либо являются частью его биографии, либо оказали на него впечатление. В стихотворении

⁵ Слугина М. Тюст. С. 26.

⁶ Там же. С. 27.

«Борисово» село наделяется положительной коннотацией, воспринимается лирической героиней местом гармонии, умиротворения, что манифестируется метафорой «утопает в садах» («*копачазь садсо*»)⁷. Однако автор не ограничивается лишь созерцанием идиллической картины, уже со следующей строки текст начинает обрастать деталями, образами, которые придают произведению драматический подтекст. Украшением села является «белая церковь», в авторском сознании вызывающая ассоциации с «лебедем, вытянувшим в небо черный клюв» («*ашо церьковась локсейне ладсо / Менельс венстизе раужо неренть*»⁸). Птица стремится взлететь в небо, «утонуть в бесконечности» («*певтемечинтень ваямо*»), однако «скована железным забором» («*кшининь пирявкосоь рунгонзо кершизе*»), ее врагами становятся «злой ветер» («*злыдарди вармась*»), «застлавшая дорогу крапива» («*палакс каштазсо кинзэ ацызе*»). В финальной строфе образ церкви трансформируется в образ «окутанной грехами души» («*нежетень канстнэсэ оймесь*»), которая может «обрести покой на небе» («*менеленть ежосо ойми*»). Метафора наполняет произведение глубоким онтологическим смыслом о физическом и духовном началах, греховности человеческой природы, стремлении к очищению. Заявленный в названии стихотворения ойконим способствует воссозданию хронотопа текста (в сознании реципиента возникает картина сельской местности, окруженной железным забором белой церкви в центре села), позволяет экспрессивно передать авторские интенции о вечных понятиях.

Синтез лирического и драматического прослеживается в стихотворении «Солалейка», в котором реализуется актуальная проблема вымирания деревни. Посредством пространственного хронотопа автор констатирует безрадостные реалии современности: «*Ардат-ардат – / Ве веле арась килангсо*»⁹ («Едешь-едешь – / Ни одного села по пути»), которые на мгновение сменяются сказочной картиной: маленькое

село Солалейку охраняют «горы-богатыри», в ногах у которых простираются густые леса, «стройные ивы склоняются к воде цвета неба» («*чова рунго калътне комасть / Менель тюсонь веденть малав*»¹⁰). Описание самого села переданы в драматичных тонах: многие из деревянных домов практически разрушились («*ламонь латост каладыцят*»), прикикли к земле, затерялись в зарослях деревьев, опустели, жителей в деревне осталось мало. Автор имплицитно описывает объективные факты, негативные обстоятельства разорения села, поэтому в стихотворении доминирует интенция разочарования, грусти. Ойконим *Солалейка* наделяется обобщающим смыслом, становится символическим знаком вымирания и опустошения российской деревни.

Название стихотворения «Мое село Кабаево – Божий край» имеет открытую оценочную семантику. Ойконим *Кабаево* в поэзии М. Слугиной вполне ожидаем, поскольку образ малой родины, рефлексия современных реалий бытования села, импликация боли, тоски по родному краю являются доминирующим мотивно-образным в ней кластером. Село воспринимается героиней как «земля благословенная» («*модаськак тесэ баславазь*»), богатый край («*стакат умарде пирензэ, / А лововить эмежензэ*»), родина многих известных людей («*тесэ чачозь ине ломанть*»), место силы («*вийде ойменек пештеви*»)¹¹. Однако образ родного села рождает в ее сознании и негативные эмоции, сердце сжимается оттого, что «пустеет село очень быстро» («*чами велем пек бойкасто*»). Поэт проводит мысль об экзистенциальной сути этого явления, нет возможности остановить его, поскольку урбанизация оторвала людей от своей земли, они приезжают в деревню лишь «отдохнуть от города» («*ошонть эйтэ лекстямо*»). Ойконим *Кабаево* в тексте данного стихотворения несет эстетическую, а также информационно-коммуникативную функцию: дает сведения о региональном объекте, побуждает читателя к рефлексии образа малой родины.

⁷ Слугина М. Тюст. С. 14.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Там же. С. 20.

В стихотворении «Эрзямо» («“Пре-
вращение” в эрзя») репрезентированные
в форме градации названия многочислен-
ных городов (*Лондон, Токио, Пекин, Дели,
Мехико, Москва, Рим, Канберра, Брюссель,
Анкара, Алжир, Тунис*) выполняют эстети-
ческую функцию – создают сатирическую
гиперболу, посредством которой обличается
нивелирование национального самосозна-
ния, осуждается отказ от эрзянского язы-
ка. Обрисовывается утопическая картина:
в расположенных на разных континентах
городах люди разговаривают на эрзянском
языке, они приветствуют героиню, общаются
с ней на эрзянском. Среди перечисленных
городов нет лишь Саранска, метаморфоза
происходит и с самой героиней: «Верну-
лась в Саранск – / По-русски заговорила»
(«*Саранское пачкоднй – / Рузок корта-
мо карминь*»¹²). Языковая идилия – это
сон героини, однако в этом ирреальном
фрагменте четко отражаются негативные
национально-культурные реалии современ-
ности – в Саранске практически не слышно
эрзянской речи, от языка отказываются даже
его носители. Героиню это беспокоит, она
искренне желает, чтобы эрзян настигла такая
«пандемия», переболев которой, они пре-
вратились бы в настоящих эрзян, знающих
родной язык («*Эрва эрзясь эрзяволь, /
Истямо кезов эрваволь*»¹³).

В контексте изучения проблемы эстетики
языковых единиц современные исследова-
тели выявили, что гидроним *Волга* «входит
в состав наиболее часто употребляемых
в поэтическом дискурсе» [18, с. 116], по-
этому использование этой лексемы в про-
изведениях М. Слугиной вполне ожидаемо.
Следует отметить, что она обращается
к эрзянскому варианту названия реки
Рав, который тем не менее соотносится с
понятием «большая Родина», символизи-
рует Россию-матушку. Гидронимы у по-
эта передают положительные коннотации,
они связаны с воспеванием богатства,
красоты страны, одновременно вызывают

философские рассуждения о вневременном –
добре и зле, эмоциональности человеческой
природы. В стихотворении «*Равжо парсеекс
вень Равось...*» («Черным шелком ночной
Рав...») метафорическое описание ночной
реки трансформируется в образ «сказоч-
ной страны», где «не потухает мягкий свет
звезд», «не ощущается тяжесть пережива-
ний» («*А лепами чевте валдось! / А маряви
ризксэнь сталмось*»¹⁴). Колористическая
характеристика объекта создается посред-
ством цветообозначений: «*равжо парсей*» /
«черный шелк», «*ковонь валдо*» / «лунный
свет»¹⁵, создающих впечатление мистиче-
ского пространства.

Символизация Волги как животворящей
силы («*оймесэредькс матры*») представ-
лена в стихотворении «*Рав леесь келейде
келей...*» («Река Волга широка...»). При
создании зрительной характеристики реки
используется языковая объективация ее
огромных размеров, силы, мощи, уникаль-
ности, красоты, что обеспечивается за счет
использования прилагательных («*келейде
келей*», «*домка ды кувака*»), глагольных
лексем («*тарадсост ахолить*», «*налкси
ведесь*», «*толкунт палсить*», «*варминесь
седясь*», «*морось салси*»¹⁶).

Микрогидроним *Явлейка* («Кобалень
леесь» – «Река у Кабаева») наделяются
информационно-стилистической нагрузкой:
дает сведения о региональном географи-
ческом объекте, имеет ключевое значение
для передачи интенций автора – умиро-
творенного созерцания гармонии в при-
родном мире («*Кувалт венстевезь Явлейка
леесь. / Вельксээнзэ нурьги пиже килеесь, /
Лия энганзо – сэтъме селеесь. / Эрексиянь
ванькс сонзэ ведезэ. / Уи эйсэнзэ менелень
ковось*»¹⁷ («Растянулась река Явлейка. / Над
ней склонилась зеленая береза, / С другой
стороны – тихий вяз. / Как ртуть чиста ее
вода. / Плывет по ней луна»). Образное
использование гидронима в сочетании
с названием жидкого металла, ртути, об-
условлено, на наш взгляд, сходством зри-

¹² Слугина М. Тюст. С. 123.

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Там же. С. 29.

тельных ощущений: в ночное время, при лунном свете, поверхность реки кажется серебристого цвета, приобретает своеобразный металлический блеск. Традиционное сочетание гидронимов *Волга*, *Сура* с микрогидронимом *Явлейка* получает символическую нагрузку: ассоциирующийся с речушкой образ малой родины перерастает в образ огромной, богатой реками, морями России. Явлейка впадает в Суру («*Сура патянтень кандсы ведензэ*» / «К старшей сестре Суре несет свои воды»), с водами которой «входит в Волгу» («*Равонтень совить*»), они «спокойно направляются к морю» («*састыне иневедьс сыргить*») ¹⁸.

По утверждению исследователей, мифонимы в поэтическом дискурсе являются «теми устойчивыми языковыми знаками, которые несут огромный объем историко-культурной информации и обладают богатым ассоциативным потенциалом, аккумулируя специфику мировоззрения писателя, они способствуют моделированию текстового пространства» [19, с. 136]. В произведениях М. Слугиной мы выявили несколько групп мифонимов: мифотеонимы *Масторава*, *Верепаз*, *Инешкипаз*, мифоорнитоним *Иненармунь* (Великая Птица), мифозооним *Покиш Гуй* (Большой Змей), мифоастионим *Содом*. Они наделяются как положительным, так и отрицательным коннотативным фоном. Так, мифотеоним *Масторава* в стихотворении «Тюст» («Оттенки») несет явно положительную коннотацию, наделяется оригинальной символической семантикой, способствует авторской реализации образа детства как беззаботной счастливой поры, «где нет никаких высоких преград» («*косо арасть мьнегак сэрей пирьякст*») ¹⁹. Актуализируя отрицательную эмоционально-оценочную нагрузку мифонима *Содом*, автор имплицитно свое восприятие современного «жестокое», «зловонное» города, поглощающего гармоничный мир природы. М. Слугина чаще использует заимствованные, общеизвестные мифонимы, однако создает и индивидуально-авторские. К ним относятся мифоантропоним *Наболго Кечай* (сказка «*Наболго Кечай* и Большой Змей»),

образованные от апеллятива мифоперсоны *Коцькерьган*, *Колган*, *Цюлан*, *Каштом*, *Тенсть*, *Ведь*, *Пенчть-Вакант* (сказка «Кие Цюлансо азорось?» – «Кто в Чулане хозяин?»), *Ташто Кем*, *Од Кем* (басня «Ташто ды Од Кемть» – «Старый и Новый Валенки»), *Тиринь Кель* (юмореска «Мезе машты Эрзянь Келесь?» – «Что умеет эрзянский язык?»), в структуре текстов актуализирующие проблемы сохранения национальных языков, вопросы взаимоотношений между поколениями, нравственного потенциала человека, этических норм и принципов, получающих аксиологическую нагрузку. Мифонимы *Менель Тетя* (от слова «менелень» – «небесный»), *Масторкирдий* (от словосочетания «масторонь кирдиця» – «держачий землю») образованы по модели «прилагательное + существительное» и «причастие + существительное». Оба компонента мифонимов восходят к апеллятивам, на процесс номинации образования онимов влияет ассоциативное поле лексемы «Паз». К примеру: «*Нолдык монь нежетем, Масторкирдий! / Зярс максовить монень Пазонь читне, / Седейшкава еван Теть сюкпрятнь!*» ²⁰ («Отпусти мои грехи, Земли Держатель! / Сколько отпущено мне Божьих дней, / От души говорю Тебе спасибо!»). В лирических текстах М. Слугиной часто используется прием онимизации апеллятивов. Лексико-семантическим способом образованы онимы *Вечкема* / *Любовь* («Ули мелем а улемс...» – «Есть желание не быть...»), «*П. Михайловнень*» («П. Михайлову»), *Кемема* / *Вера* («Кемема»), которые относятся к контекстуальным мифонимам, не являются порождением творческого таланта поэта, однако играют такую важную роль в идейной ткани текстов, что пишутся с заглавной буквы.

По утверждению исследователей, «процессы перехода апеллятивной лексики в ономастическую и ономастической в апеллятивную непрерывны. Одно и то же слово и сочетание слов может быть и именем собственным, и апеллятивом» [20, с. 38]. Данный процесс можно наблюдать на примере сказок М. Слугиной «Овгонь форум» («Медвежий форум»), «Кто в Чулане хозяин?»,

¹⁸ Слугина М. Тюст. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 24.

²⁰ Там же. С. 7.

басни «Старый и Новый Валенки», в которых отапельлятивные онимы становятся концептуальными, текстообразующими компонентами, отражают методику авторского имянаречения, специфику идиостиля поэта. В сказке «Медвежий форум» зоонимы *Овто* (Медведь), *Нумол* (Заяц), *Ривезь* (Лиса), *Верьгиз* (Волк) созданы посредством семантической онимизации апеллятивов. Антропоморфизированные персонажи-звери помещаются в социальный контекст, наделяются человеческими характеристиками, определенными ролями. С помощью них автор имплицитно проблематизирует действительности – нивелирование национальной культуры, формальный подход к вопросу о сохранении родных языков. Комизм ситуации заключается в том, что в лесном, на первый взгляд, демократическом обществе все подчиняется авторитарному «демократу» Медведю, живут по «написанным на медвежьем языке законам» («эрий лувтне сермадозь овтонь кельсэ»²¹). Чтобы продемонстрировать свою толерантность, он организывает «Вселенной день зверей», на котором предлагает обсудить вопрос о родных языках. Истинное положение дел в лесном обществе раскрывается посредством поведения Зайца, который из-за страха перед Волком и Лисой отказывается говорить на родном языке.

В произведениях М. Слугиной редко встречаются урбанонимы (стадион «*Мордовия Арена*», магазины «*Эльдорадо*», «*Сателлит*»), дринонимы (*Солаведь*, *Жилинэнь вирь* / лес Жилина), религиозно-культурные топонимы (*Ханаан*), теонимы (*Христос*), гермеронимы («*Эрзянь правда*»), хрононимы (*Од ие* / Новый год, *Тундо* / Весна, *Кизэ* / Лето), космонимы (*Каргонь Ки* / Млечный Путь), геортонимы (*Ине чи* / Пасха), однако в структуре текстов они становятся концептуальной единицей, средоточием идейно-образного ядра. К примеру, в стихотворении «Адя, ялгай, Солаведев» («Пойдем, подружка, в Солаведев») вынесенный в заглавие дриноним, находящийся в сильной позиции, становится концептуальной, текстообразующей, инфор-

мативно-стилистической единицей. Читатель узнает, что *Солаведь* – это местное название леса у села Кабаево. Текстовое описание леса моделируется посредством метафор, олицетворений, сравнений, эпитетов, передающих зрительные, звуковые, обонятельные, осязательные ассоциации. Звуковое пространство леса воссоздается в гиперболизированной форме: «*Кунсоллок нармунень вайгельть – / Истят а марят оркестрат, / Весе музыканть сынь айгить, / Еमितь вакссост покш маэстрат*»²² («Послушай голоса птиц – / Таких не услышишь оркестров, / Они заглушают всю музыку, / Не сравнить с большими маэстро»). Восприятие героиней леса как сакральной среды, источника жизни соотносится с мифологическими представлениями эрзян: «*Виресь – шумбрачи певтеме! / Виресь – свал лембе кудонок. / Мезе эрзятне виртеме? / Вирь! Тон ванстык эрямонок*»²³ («Лес – здоровье бесконечное! / Лес – всегда теплый наш дом. / Что эрзяне без леса? / Лес! Сохрани наши жизни!»).

В двух произведениях М. Слугиной упоминается построенный к Чемпионату Мира по футболу 2018 г. стадион «*Мордовия Арена*», причем в текстах он получает антиномичную семантику. В стихотворении «*Афиша*» урбаноним «*Мордовия Арена*», хоронимы *Перу – Дания*, *Колумбия – Япония*, *Иран – Португалия*, *Панама и Тунис* позволяют передать масштаб спортивного мероприятия, перечислить проведенные на стадионе футбольные матчи, передать ожидания болельщиков. В стихотворении «*Чаво вакан*» («*Пустая миска*») стадион наделяется отрицательной коннотацией, что передается лексемами с негативной семантикой: «*ожо-якстере варя*» («желто-красная дыра»), «*ажияшка вакан*» («миска с оглоблю»)». Неодобрение в отношении спортивного сооружения обусловлено неопределенностью вопроса о его обслуживании, на что может потребоваться немало материальных средств. Автор искренне переживает, чтобы эти затраты не легли на плечи жителей республики и не отразились на их финансовом благополучии.

²¹ Слугина М. Тют. С. 130.

²² Там же. С. 28.

²³ Там же. С. 28.

²⁴ Там же. С. 139.

Заключение

Высказанные в работе рассуждения приводят к заключению: в поэзии М. Слугиной они являются важным компонентом, раскрывающим индивидуально-творческую концепцию автора, его мироощущение, позволяющим репрезентировать яркий образ современности, отразить колорит национальной действительности. Как элементы поэтики текста они являются единицами полифункциональными, они выполняют текстообразующую, концептуальную, стилистическую (информационно-стилистическую, эмоционально-стилистическую), оценочную, символическую нагрузку, наделяются разнообразными коннотациями.

Ядро поэтического ономастикона М. Слугиной составляют антропонимы (имена, фамилии, прозвища), топонимы (ойконимы, хоронимы, гидронимы). К периферийным

следует отнести мифонимы, зоонимы, урбанонимы, теонимы, дринонимы, гемеронимы, хрононимы, геортонимы, космонимы, религиозно-культурные топонимы. Выбор того или иного онима обусловлен творческим замыслом произведения, эстетическими целями, содержательно-эмоциональным смыслом текста.

Ономастическая система поэзии М. Слугиной расширяет представления об особенностях творчества поэта, выбираемых им методиках моделирования поэтических образов, способах отражения общечеловеческого опыта и национальной действительности.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нам в изучении особенностей ассимиляции художественного дискурса и функциональной семантики ононимических единиц в творчестве других национальных писателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Соколова Е. Ю. Функционально-стилистическая нагрузка имени собственного в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). С. 182–184.
- Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
- Калинкин В. М. Поэтика онама. Донецк : Юго-Восток, 1999. 408 с.
- Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
- Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж : Научная книга, 2014. 447 с.
- Кондратьева Т. Н. Метаморфозы собственного имени : Опыт словаря. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1983. 110 с.
- Михайлов В. Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. Луцк, 1965. 54 с.
- Никонов В. А. Имя и общество. М. : Наука, 1974. 278 с.
- Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990. 104 с.
- Дядюн С. Д. Антропонимия хантыйских сказок // Вестник угроведения. 2015. № 4 (23). С. 33–38. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/dyadyun_s.d.pdf (дата обращения: 02.03.2024).
- Ларкович Д. В. Поэтическая география Ю. Н. Шесталова // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (11). С. 41–49. <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2022.14.36.008>
- Лисовская Г. К., Цыпанов Е. А. Функции топонимов в художественных произведениях К. Ф. Жакова // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 147–156. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.02.147-156>
- Цыпанов Е. А. Коми лексические архаизмы в сказке И. А. Куратова «Микул» // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 441–449. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.04.441-449>
- Шеянова С. В., Юсупов А. Ф. Антропонимическое пространство современного мордовского романа // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 1. С. 113–122. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-113-122>
- Флоренский П. Имена. М. : Эксмо, 2007. 400 с.
- Тюрина Г. Н. Онимы и апеллятивы как производящая база для нижегородских уличных фамилий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 210–214.
- Юсупов А. Ф., Юсупова Н. М. Поэтическая ономастика татарской поэзии первой половины XX века // Филологические науки.

- Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 3. С. 261–264. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.55>
18. Хайрутдинова Г. А., Лутфуллина Г. Ф. Особенности функционирования гидронимов *Волга* и *Нева* в произведениях русской поэзии // Филология и культура. 2017. № 1 (47). С. 115–120.
19. Селеменова О. А. Система мифонимов в поэзии И. А. Бунина // Научный диалог. 2021. № 6. С. 136–150. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-136-150>
20. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская [и др.]. М. : ЛИБРОКОМ, 2019. 256 с.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 16.08.2024; принята к публикации 24.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. В. Шеянова – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Proper Names in the Poetry of Marina Slugina

Svetlana V. Sheyanova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. In Finno-Ugric studies, there is a noticeable lack of research on literary onomastics, and the semantic functions of proper names within the structure of literary texts are insufficiently explored. The purpose of this article is to identify the types of onyms in the works of M. Slugina and to determine their functional and semantic features.

Materials and Methods. The study material consisted of works by M. Slugina from the poetry collection "Tyust" ("Shades"). The research employed traditional linguistic methods: descriptive, functional-semantic, comparative-historical, as well as modern approaches to the study of literary texts – interpretative and gender-based.

Results and Discussion. The types of onyms in M. Slugina's poetic texts have been identified, the core and periphery of the onomastic space in her works have been outlined, and a semantic analysis of onomastic vocabulary has been conducted. It is noted that the core of the onomastic space in M. Slugina's poetry consists of anthroponyms and toponyms (including oikonoms, choronyms, and hydronyms), while the periphery includes mythonyms, zoononyms, urbanonyms, dryonyms, theonyms, cosmonyms, hemeronyms, chrononyms, geortonyms, and religious-cultural toponyms. In the author's works, these serve text-forming, stylistic (informational-stylistic, emotional-stylistic), evaluative, aesthetic, symbolic, and conceptual functions.

Conclusion. The results of this study can be useful for further research into poetic onomastics within Finno-Ugric linguistics.

Keywords: Literary onomastics, proper names, onym, semantics of the name, function of the onym, M. Slugina, modern Mordovian poetry

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00098 "Mordovian women's literature: specificity of the representation of the gender picture of the world, national and artistic originality", <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Sheyanova S.V. Proper Names in the Poetry of Marina Slugina. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):165–177. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.165-177>

REFERENCES

1. Sokolova E.Y. [Functional and Stylistic Load of the Name of One's Own in the Literary Text]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2011;(33):182–184. (In Russ.)
2. Vasilyeva N.V. [Proper Name in the World of Text]. Moscow; 2009. (In Russ.)
3. Kalinkin V.M. [Poetics of Onym]. Donetsk; 1999. (In Russ.)
4. Karpenko Y.A. [Proper Name in Fiction]. *Philological Sciences*. 1986;(4):34–40. (In Russ.)
5. Kovalev G.F. [Favorites. Literary Onomastics]. Voronezh; 2014. (In Russ.)
6. Kondratyeva T.N. [Metamorphoses of One's Own Name]. Kazan; 1983. (In Russ.)
7. Mikhailov V.N. [Proper Names as a Stylistic Category in Russian Literature]. Lutsk; 1965. (In Russ.)
8. Nikonov V.A. [Name and Society]. Moscow; 1974. (In Russ.)
9. Fonyakova O.I. [Proper Name in Literary Text]. Leningrad; 1990. (In Russ.)
10. Dyadyun S.D. Anthroponymy of Khanty Fairy Tales. *Bulletin of Ugric Studies*. 2015;(4):33–36. Available at: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/>

- [vu/dyadyun_s.d.pdf](#) (accessed 02.03.2024). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Larkovich D.V. Poetic Geography of Yu.N. Shestalov. *Philology Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2022;(3):41–49. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2022.14.36.008>
 12. Lisovskaya G.K., Tsypanov E.A. The Functions of Toponyms in the Works by K.F. Zhakov. *Finno-Ugric World*. 2023;15(2):147–156. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.02.147-156> (In Russ., abstract in Eng.)
 13. Tsypanov E.A. Komi Lexical Archaisms in Fairy Tale «Mikul» by I.A. Kuratov. *Finno-Ugric World*. 2023;15(4):441–449. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.04.441-449>
 14. Sheyanova S.V., Yusupov A.F. Anthroponymic Space of a Modern Mordovian Novel. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(1):113–122. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-113-122> (In Russ., abstract in Eng.)
 15. Florensky P. [Names]. Moscow; 2007. (In Russ.)
 16. Tyurina G.N. Onyms and Appellatives as the Source Base for Nizhni Novgorod Street Family Names. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2015;(2):210–214. (In Russ., abstract in Eng.)
 17. Yusupov A.F., Yusupova N.M. Poetic Onomastics of the Tatar Poetry of the First Half of the XX Century. *Philology. Theory & Practice*. 2019;12(3):261–264. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.55>
 18. Hayrutdinova G.A., Loutfullina G.F. Function Features of the Hydronyms *Volga* and *Neva* (Based on Russian Poetry). *Philology and Culture*. 2017;(1):115–120. (In Russ., abstract in Eng.)
 19. Selemenova O.A. System of Mythonyms in Poetry of Ivan Bunin. *Nauchnyi Dialog*. 2021;(6):136–150. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-136-150>
 20. Superanskaya A.V., Stalman V.E., Podolskaya N.V., Sultanov A. H. [Theory and Methodology of Onomastic Research]. Moscow; 2019. (In Russ.)

Submitted 09.07.2024; revised 16.08.2024; accepted 24.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. V. Sheyanova – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru